
О. В. Исаенкова

*доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной академии права,
член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации
Федерального Собрания РФ по гражданскому праву, гражданско-процессуальному праву,
арбитражно-процессуальному праву и исполнительному производству*

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ: ИСПОЛЬЗУЕМ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

O. Isaenkova

THE FOREIGN PRACTICE IN EXECUTIVE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to amenity's standards of practice different countries during reforming period of compulsory execution of the Russian Federation.

The author of the article deals with the questions of social, economic, political, law enforcement, historic standards.

Российское исполнительное законодательство находится в настоящее время в стадии активного формирования и поэтому, возможно, более, чем какое-либо другое отраслевое российское законодательство нуждается сегодня в пристальном внимании ученых и практиков. Причины такого внимания достаточно убедительно были исследованы еще в 2002 году¹. Полагаем, что наука исполнительного права, значительно обогнав практику, не должна уходить слишком далеко, по крайней мере, до тех пор, пока российское исполнительное законодательство не будет кодифицировано.

Опубликование для обсуждения проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации (далее Проект ИК РФ), разработанного коллективом авторов под руководством В.М. Шерстюка², выводит на первый план задачу доработки собственно правил фиксации исполнительно-процессуальной формы, как общих, так и частных, вплоть до регулирования исполнительных правоотношений, возникающих из исполнения исполнительных документов различных видов и в отношении различных категорий должников. Заметим, что перспектива принятия ИК РФ в обозримом будущем уже не так туманна, и определена Распоряжением министра юстиции Российской Федерации В.В. Устиновым от 24 января

2006 г. № 2 «О создании межведомственной рабочей группы по разработке проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации».

Использование зарубежного опыта в процессе совершенствования законодательства, регулирующего исполнительное производство, тем более важно в связи с тем, что большинство стран Европы в настоящее время выбрали путь законодотворческого и правоприменительного развития в направлении концепции «общего права», отвечающего интересам всех государств Европейского Союза.

Такая тенденция отчетливо прозвучала и была поддержана ведущими процессуалистами России, Литвы, Латвии, Казахстана, Белоруссии, Германии, Польши, Венгрии и Австрии на международной конференции «Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах региона Балтийского моря и Центральной Европы», прошедшей в Вильнюсе 16-19 сентября 2004 года. Затем эта тенденция, показав жизнеспособность и актуальность, получила свое развитие на международной научно-практической конференции «Право на судебную защиту и практические аспекты его реализации», прошедшей в Вильнюсе ровно через два года в сентябре 2006³.

Обратим внимание, что речь идет вовсе не о

¹ См., подробнее, по этому поводу: Исаенкова О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции. Саратов. Изд-во Саратовской государственной академии права, 2002.

² См.: Проект Исполнительного кодекса Российской Федерации. Краснодар. СПб., 2004. 254 с.

³ См., подробнее: Исаенкова О.В., Демичев А.А. Проблемы исполнительного производства в европейских государствах (по итогам международной научно-практической конференции «Teisė į teisminę gynybą ir jos realizavimo praktiniai aspektai»: Vilnius: Mykolo Romerio universitetas. 14-15. 09.2006) // Исполнительное право. 2006. № 3. С. 37-39.

созданию одинакового права, которое бы удовлетворяло все европейские государства, в том числе и Россию, а о таком согласовании норм и их применения, которое бы позволяло иметь совмещенную, гармоничную систему европейского права, где все ее части взаимодействуют.

Право в настоящее время находится на достаточно высокой ступени развития, которая предполагает проведение правовых преобразований от доктрины к практике. В области исполнительного права необходим стержень, идея как прообраз информации, которую следует заключить в особую правовую форму.

К сожалению, на практике нередко встречаются дефекты правотворчества, но в исполнительном производстве можно попытаться их избежать, если правильно использовать существующий опыт развития исполнительного законодательства не только в самой России, но и за ее пределами.

До настоящего времени предметы регулирования исполнительного процессуального права, гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права смешиваются, противоречат друг другу по срокам исполнительной давности, порядку применения и мерам ответственности за нарушения законодательства об исполнительном производстве и законных требований судебного пристава-исполнителя и многим другим вопросам.

В VII разделе ГПК РФ есть нормы, регулирующие исполнительные правоотношения в чистом виде, которые возникают и развиваются без участия суда, являющегося обязательным участником гражданских процессуальных правоотношений. В частности последняя статья ГПК РФ ст. 446 содержит перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, в то время как суд не имеет никакого отношения к правоотношениям, связанным с обращением взыскания на имущество. В качестве сравнительного примера здесь можно привести ГПК Эстонии от 22 апреля 1998 г., в котором исполнению посвящено всего несколько статей (ст. 374-376, регулирующие поворот исполнения судебных постановлений и ст. 377, устанавливающая правила удостоверения эстонскими судами исполнимости решений иностранных судов и третейских судов), а само исполнительное производство регулируется отдельным законом.

Похожая ситуация с исполнительным законодательством сложилась и в Латвии, где действует Закон от 13 ноября 2002 года «О судебных исполнителях» (Law On Bailiffs), состоящий из 163 ста-

тей. Для сравнения - в России действующий Федеральный Закон «О судебных приставах» от 21 июля 1997 года включает в себя лишь 25 статей, часть которых носит отсылочный характер (к утверждаемым Президентом РФ актам), а часть регулирует деятельность судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, не имеющих отношения к исполнительному производству.

С сожалением приходится констатировать, что опыт других государств, в том числе стран ближнего зарубежья, по исполнению судебных и иных юрисдикционных актов практически не использовался и не используется при реформировании исполнительного производства России. Вместо того, чтобы законодательными мерами повышать реальную исполнимость исполнительных документов, современный российский законодатель идет по тупииковому пути, относя к окончательным исполнительным производствам те, по которым взыскатель не получает присужденное (подпункты 3-9 пункта 1 ст. 47 ФЗ «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 года). Несовершенство российского исполнительного законодательства приводит к решениям Европейского суда о взыскании с России в пользу Бурдова и др. справедливых компенсаций. Современная политическая и социальная ситуация давно предопределили необходимость реформирования российской системы принудительного исполнения.

Однако прежде, чем проводить любые реформы, необходимо определить критерии возможности использования опыта других государств в этом направлении. Исходной посылкой должно являться то, что следует не автоматически переносить позитивные достижения зарубежного исполнительного законодательства и практики его применения на концепцию Исполнительного кодекса РФ, а, прежде всего, выявить критерии 1) экономические, 2) социальные, 3) политические, 4) законотворческие, 5) правоприменительные, 6) исторические и другие которые позволяют раскрыть возможности адаптации зарубежного положительного опыта на правовом поле России.

1. Экономические критерии являются достаточно подвижными, и обусловлены, прежде всего, состоянием экономики государства в целом, расслоением общества в плане материального благополучия, наличием значительного числа граждан, имеющих уровень достатка выше реального прожиточного минимума (так называемых «представителей среднего класса»), возможностью государства обеспечить собственным

гражданам минимальный уровень жизни и существующими минимальными стандартами правовой защищенности.

В советский период исполнительное производство предполагалось бесплатным для взыскателя, так как оно считалось частью, стадией гражданского судопроизводства, за осуществление которого в доход государства уже поступила государственная пошлина. Судебный исполнитель не имел права взыскивать с истца или ответчика какие-либо сборы за исполнение решения. Все средства он получал от суда, а затем судья выносил определение об утверждении расчета исполнителя по расходам и о взыскании этих расходов с должника.

Сегодня именно экономический критерий не позволяет говорить об обеспечении получения юридической помощи в исполнительном производстве всеми его субъектами. Выделяемый в теории исполнительного права принцип доступности и реальности оказания юридической помощи⁴ превратился в декларацию по причине отсутствия собственной экономической основы. Далеко не каждый российский гражданин может в настоящее время позволить себе оплатить услуги квалифицированного представителя в ходе совершения исполнительных действий, а посему доступность юридической помощи остается таким же красивым идеалом, как право на жилище. Можно, конечно, пойти путем обявывания адвокатов или иных лиц при определенных условиях оказывать бесплатную юридическую помощь субъектам исполнительного производства по примеру ст. 26 ФЗ от 31 мая 2002 г. «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации»⁵, но вряд ли такая помощь будет действенной и качественной. Кроме того, совершенно нереально установить зависимость получения бесплатной правовой помощи по всем категориям дел исполнительного производства исходя исключительно из невозможности гражданина оплатить услуги юриста. Даже в гражданском процессе мало быть малоимущим для получения бесплатной услуги адвоката, необходимо, чтобы субъект и (или) предмет защиты входил в перечень, установленный пунктом 1 ст. 26 указанного закона.

Приведенное правило представляется достаточно разумным, так как определение одного

критерия «малообеспеченности» для предоставления бесплатной правовой помощи возвратит нас к антисобственническим установкам прошлого, когда создание материальных благ для себя обозначалось как мещанство и несознательность⁶, богатство предполагалось пороком, а бедность приветствовалась и поощрялась даже тогда, когда не была обусловлена объективными причинами.

Взыскание алиментов, возмещение вреда здоровью и причиненного смертью кормильца проходит бесплатно для малоимущих только до тех пор, пока субъект, претендующий на правовую услугу, называется «истцом» (подпункт 1 пункта 1 ст. 26 ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации»), то есть до момента вступления решения суда в законную силу. Соответственно, как только истец по указанным категориям дел становится взыскателем, право на бесплатную правовую помощь заканчивает свое действие. Это означает, что ни о какой «доступности и реальности» квалифицированной юридической помощи на сегодня говорить не приходится, но в дальнейшем, при достижении нашим обществом более высокой ступени развития, когда квалифицированное решение правовых проблем малоимущих лиц будет обеспечено материальной базой, к данному вопросу стоит вернуться. Отметим, что независимо от уровня развития общества вопрос об обеспечении правовых услуг за счет государства во избежание регрессивных тенденций и злоупотреблений следует решать исходя из объективных причин и стартовых возможностей отдельного субъекта, а не «малоимущества».

Нельзя игнорировать опыт, связанный с получением от государства тех или иных привилегий (ежемесячных пособий на ребенка до достижения им возраста 16 лет, субсидий на оплату жилья и т.п.), когда единственным их основанием выступает уровень дохода субъекта.

Получить справку о собственном низком доходе в нашей стране не составляет большого труда, а стереотипы российского сознания (здесь речь уже идет о социальных критериях возможности использования правил иностранного исполнительного права, которые будут рассмотрены вслед за экономическими) не выработали негативного отношения к такому обману.

⁴ См.: Панкратова Н.А. К вопросу о принципах исполнительного права // Система гражданской юрисдикции в канун XXI века: современное состояние и перспективы развития. Межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000. С. 504

⁵ В силу пункта 1 ст. 26 ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации» в исполнительном производстве на бесплатную правовую помощь адвоката могут претендовать лишь ветераны Великой Отечественной войны при исполнении актов, не связанных с предпринимательской деятельностью, и граждане, пострадавшие от репрессий при исполнении документов, связанных с их реабилитацией (см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102).

⁶ См.: Григорьева О.А. Категория «собственность» в сфере юридического образования // Юрист XXI века: реальность и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (19-20 апреля 2001 г.). Екатеринбург, 2002. С. 111.

Подчеркивая важность скорейшего наступления времени действительной гарантированности государством бесплатной квалифицированной юридической помощи, мы вынуждены констатировать тот факт, что задачей современного законодателя в области исполнительного производства является обеспечивать каркас отрасли исполнительного права, а не только ее будущую перспективу, пусть идеальную, но не обеспеченную настоящим экономическим базисом.

Таким образом, после рассмотрения действующей в экономически развитых государствах аксиомы доступности правовой помощи в исполнительном производстве с позиции экономического критерия, приходится констатировать, что предложение о включении принципа доступности юридической помощи в российское исполнительное право связано с не слишком удачной попыткой интегрировать в российскую систему провозглашенные и успешно действующие основы правовых систем высокоразвитых государств. Интерес к ним усиленно растет, вместе с тем, для современного российского правоприменения зачастую не подходят даже общепризнанные аксиомы зарубежного права. Однако и в высокоразвитом государстве, классическим примером которого является США, сами американские правоведы называют право, судебный контроль и адвокатов дорогим удовольствием⁷. «Дороговизна удовольствия» не мешает при этом его получению, так как фактически перекрывается другой составляющей экономического критерия основная часть граждан такого государства имеет высокий уровень материального достатка.

2. В качестве социальных критериев, определяющих опытное правопривнесение, на первое место, как правило, выходит правовая культура, существующая в государстве, собирающемся воспользоваться инородным институтом. В российской правовой культуре немаловажную роль играет довольно своеобразная правовая психология российских граждан, определяющая принятие (в том числе в форме сочувствия, осознанного подчинения) либо отторжение общественностью предлагаемых государством правовых преобразований.

Реформирование исполнительного процесса, проводимое в России в 1261, 1649, 1864, 1918, 1923, 1964, 1997 гг и, наконец, 2007 г., как правило, началось с идеей необходимости коренной перестройки всей системы принудительного исполнения, но в своем итоге изменяло лишь степень контроля суда за действиями органов исполне-

ния - от непосредственного подчинения исполнительных служб суду до возможности обращения в судебную инстанцию лишь в специально определенных случаях конфликтных ситуаций в сфере исполнения. Думается, это во много было связано с той присущей российскому менталитету особенностью, в силу которой у граждан сформировалось весьма своеобразное отношение к реформированию любых областей социальной жизни: с одной стороны, желание власти в начале реформаторского процесса перестроить все быстро и коренным образом, и, с другой стороны, неприятие населением, боязнь перемен вообще.

Социальным критериям будет соответствовать обоснованное автором настоящего исследования предложение изменить действующую в настоящее время в России систему приоритетов исполнения взыскания, оставив в качестве единственного исключения приоритет внеочередного исполнения по делам о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного здоровью, а также возмещении вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца⁸.

По действующему исполнительному законодательству трудовые правоотношения оказываются в более привилегированном положении, чем, например, правоотношения, вытекающие из гражданско-правовых сделок, что уже не соответствует изменившемуся правосознанию. Современный россиянин, в отличие от «советского гражданина» не имеет негативного отношения к «нетрудовым» доходам. Кроме того, право на труд Конституция РФ закрепляет наравне с другими правами, в частности с правом на занятие предпринимательской и иной экономической деятельностью.

В третью и четвертую очередь удовлетворяются требования по отчислениям в государственные фонды и бюджеты всех уровней, а в пятую очередь все остальные требования в порядке поступления исполнительных документов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в исполнительном производстве неоправданный приоритет отдается интересам государства и его фондов. При этом совершенно игнорируется конституционная норма о том, что высшей ценностью являются права и свободы человека (ст. 2 Конституции РФ).

Полагаем, государство вправе определять приоритеты в защите отдельных, наиболее значимых прав человека, как это происходит при взысканиях первой очереди и вполне соответствует пункту 2 ст. 7 Конституции РФ, но вряд ли допус-

⁷ См.: Фридман Л. Введение в американское право. М., 1992. С. 102-103, 206.

⁸ См., подробно: Исаенкова О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции. Саратов, 2002. С. 132.

тимо законодательно устанавливать приоритеты для взыскателя государства, его органов и фондов. Высказанное предложение было поддержано А.Х. Агеевым, дополнительно обосновавшим его актуальность в соответствии с принципом справедливости⁹.

3. Политические критерии в идеальном варианте не должны оказывать серьезного влияния на определение возможности либо, наоборот, невозможности использования зарубежного опыта в российском правовом пространстве. Негативом указанных критериев является низкая степень их предсказуемости и высокая степень предвзятости политических образований (субъектов влияния).

Однако многие правовые новшества и заимствования базируются на основных направлениях государственно-правовой политики, протекционизирующей идеям развития тех или иных институтов, и это влияние определяющим образом сказывается на перспективности либо же бесперспективности попыток их внедрения в российское право. Было бы наивным полагать, что политические объединения не оказывают влияния на создание правовых норм в России, роль ученых-правоведов в этом отношении уменьшается за счет рекомендательного характера любых научно-правовых изысканий и законодательных предложений. Между тем, принижать значение научного подхода, особенно в сфере сравнительного правоведения, к совершенствованию российского права недопустимо. По крайней мере, современная политическая ситуация уже не позволяет отвергать теории и выводы правовых изысканий, лишь указав на их «буржуазность», что было нормой в течение 70 лет развития советского права и правовой науки. В качестве негативного примера можно привести высказывание сотрудника Института советского права И.С. Перетерского: «...исполнение в РСФСР решений судов .. буржуазных. государств может встретить в общем виде лишь отрицательное отношение»¹⁰.

4. Законотворческим критериям использования зарубежного опыта на современном этапе придается особое значение в связи с тем, что в России никогда не существовало кодифицированного источника исполнительного права, сле-

довательно, сравнивать законотворческую деятельность в этом направлении внутри страны практически не с чем. Вместе с тем, как справедливо замечено М.К. Треушниковым, Россия страна кодифицированного права¹¹. Таким образом, законодатель в России имеет достаточный опыт в сфере кодификации, но, к сожалению, не в области исполнительного законодательства. Кодификация же исполнительного законодательства в некоторой степени тормозится по причине неопределенности в организации самой системы принудительного исполнения, нерешенности вопроса о соотношении в ней частного и публичного элемента.

Представители Департамента судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации отмечают, что при разработке законодательства об исполнительном производстве 1997 года просчитывался французский, бельгийский и люксембургский варианты системы исполнения, где судебные исполнители являются частными лицами и работают на основании лицензии под контролем государственных учреждений¹². Однако на новом исполнительном законодательстве элементы названных систем не отразились, российским законодателем была принята за основу американская система исполнения, в которой исполнение возлагается исключительно на государственные органы¹³. Не принимался во внимание и вариант организации исполнительного производства Великобритании, в которой, наравне с приставами - государственными служащими, действуют частные приставы.

Во Франции судебный пристав-исполнитель является должностным лицом, действующим от имени государства и имеющим возможность прибегать к государственному принуждению, однако одновременно он выступает как лицо свободной профессии, действующее либо персонально, либо вступив в объединение исполнителей. За свои профессиональные ошибки пристав несет персональную ответственность, а возможный риск покрывается страховкой, на которую подписывается сообщество исполнителей¹⁴.

Вместе с тем, опыт частной организации системы исполнения в европейских государствах не находит отклика у современного российского

⁹ См.: Агеев А.Х. Частноправовые и публично-правовые начала в исполнительном производстве. Дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2004. С. 48.

¹⁰ См.: Перетерский И.С. Очерки международного частного права РСФСР. Институт Советского права. М. Гос. издат, 1925. С. 138.

¹¹ См.: Треушников М.К. Современная кодификация гражданского процессуального права России // Вестник Саратовской государственной академии права. 1999. № 1. С. 3.

¹² См.: Кононов О.В., Кокарев Ю.Г. Судебные приставы: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. 1999. № 1. С. 75-76.

¹³ См.: Кондрашов Б.П. Служба судебных приставов: стадия становления // Журнал российского права. 1999. № 3/4. С. 14-15.

¹⁴ Авакян А.В., Ярков В.В. Краткий обзор зарубежных систем исполнительного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 1. С. 3638.

законодателя, впрочем, такое положение свойственно практически для всех стран СНГ, где система исполнения носит государственный характер¹⁵. Заметим, что даже частичное разгосударствление органов исполнения будет иметь смысл только при кардинальном изменении подхода к сущности ответственности в исполнительном праве. Допустимыми для России представляются при условии некоторой адаптации правила литовского исполнительного законодательства, где судебные приставы «контролируются государством, но зарабатывают сами»¹⁶.

5. Правоприменительные критерии представляют для нас интерес в том плане, что они тесно связаны с пониманием законности внутри государства и на внешнем политическом уровне.

Законность представляет собой такое состояние жизни общества, при котором в этом обществе действует качественное, непротиворечивое законодательство, законы уважаются, точно и неуклонно исполняются всеми членами этого общества, а за нарушение требований законодательства с неотвратимостью следуют меры государственного принуждения. Законность в качестве стержневой основы построения правовой системы выделяет и право других государств постсоветского пространства, однако акценты в содержании исследуемого принципа могут быть весьма интересны.

Например, праведы Украины основную сущность законности видят в политических ориентирах, при этом современная украинская теория права вводит термин «антизаконность», под которым понимают правовую действительность Украины «в недалеком минутом» (т.е. в советский период развития украинского права)¹⁷. Таким образом, политические критерии в правоприменении выходят на первый план и такой «опыт» совершенно не заслуживает его восприятия российским правоприменителем.

6. Исторические критерии помогают уяснить возможность интеграции заимствований в современное право, механизм будущего взаимодействия привнесенных из прошлого правил с существующими и действующими в российском праве институтами. Негативным моментом применительно к исполнительному производству является то, что первые теоретические исследования данной области (как, впрочем, процессуальных правоотношений вообще) появились в

России лишь к середине XIX века, и являли собой одну из частей трудов по гражданскому процессу в целом.

Применение исторического критерия при оценке предполагаемой эффективности той или иной правовой модели (ее элемента) должно, в первую очередь, зависеть от того, существовала ли такая модель или ее подобие ранее в российском праве или является принципиальным юридическим новшеством для права России. В первом случае (то есть когда заимствование является для российского права «хорошо забытым старым») следует определить исторические корни привносимого правила: что было взято из прошлого, не является ли привнесенное правовым атавизмом, действенность правил во время их существования в России, результативность их применения в других правовых системах, а также причины временного отказа российского законодателя от их закрепления.

Если же предполагаемое заимствование является для России в чистом виде правовой новеллой, критериями оценки возможности адаптации такого заимствования будут выступать его непротиворечивость (в идеальном варианте соответствие) отечественным традициям и возможность органического динамического развития одновременно с находящимся в состоянии перманентного реформирования российским правом.

Применяя исторический критерий, целесообразным оказывается особое внимание к опыту государств, ранее входивших в состав Союза ССР (исходя из предпосылки о схожести развития и возможности быстрой адаптации элементов опытных моделей на похожую почву), а также Франции. Выбор французской системы исполнения в качестве образца для определения критериев эффективности возможных заимствований обусловлен тем, что по справедливому замечанию исследователей, правовые институты, заимствованные отечественным законодателем из англосаксонской правовой системы, фактически не действуют, поскольку Россия в большей степени относится к странам романо-германской правовой системы, одной из которых является Франция. Кроме того, действующие правила принудительного исполнения были установлены во Франции в начале XIX века и изменялись лишь в рамках адаптации к требованиям социального и

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Тезис из выступления М. Жолинаса на международной конференции «Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах региона Балтийского моря и Центральной Европы» (Вильнюс, 16-19 сентября 2004 г.).

¹⁷ См.: Тацій В.Я. Проблеми формування правової політики в Україні // Вісн. Акад. прав. наук України. 1996. №6. С.4; Гаращук В.М. Про взаємоз'язок права, законодавства й законності // Проблеми законності. Респ. міжвідомчий науковий збірник. Випуск 48. Харків. Нац. юрид. акад. України. 2001. С.78.

политического характера, что свидетельствует о таких положительных моментах французского исполнительного права как стабильность, консерватизм и гибкость норм, регулирующих исполнительное производство¹⁸. Возможно, именно эти критерии обусловили преемственность и последующую эффективность действия исполнительных правил стран Восточной Европы, взявших за основу французскую модель исполнения

Литвы, Венгрии, Польши и других.

В заключение заметим, что, с одной стороны, идеальная модель исполнения напоминает светлое будущее, которое невозможно установить, но, с другой стороны, к такой модели, как светлому будущему, необходимо стремиться не по принципу «благая цель оправдывает любые средства ее достижения», а используя лишь допустимые средства и методы.

¹⁸ См.: Кузнецов Е.Н. Исполнительное производство Франции. Автореф. дис. ...канд. юр. наук. Екатеринбург. 2004. С.1-2.